

Хэ Чжэньшу просидел с Пэй Чанлином у дороги довольно долго, прежде чем помог ему медленно подняться и пойти домой.

Прожив несколько жизней подряд, он уже знал всё о болезни Пэй Чанлина.

Тот родился слабым, с рождения у него было больное сердце, сил что бы жить, становилось с каждым днём все меньше. Обычные отвары и лекарства почти не помогали. Если бы с детства его лечили как следует, возможно, был бы ещё какой-нибудь шанс, но в этой глухой горной деревне не было хороших врачей.

Годы стараний семьи Пэй почти не принесли никаких результатов.

Здоровье Пэй Чанлиня было настолько плохим, что никакая медицина не могла вернуть его к жизни. Вот почему семья Пэй решила устроить свадьбу, надеясь, что радость поможет отогнать смерть.

Только вот «отгонная свадьба» не сработала.

Иначе Хэ Чжэньшу не пришлось бы снова и снова возвращаться в прошлое.

Дом семьи Пэй стоял в самом западном конце деревни. Вокруг новенького недавно построенного дома с черепичной крышей была стена сложенная из камней и глины. У ворот росла старая раскидистая софора, которая, как говорили, была старше деда Пэй Чанлиня.

Когда они подошли к воротам, из-за приоткрытой калитки донёлся сердитый голос:

«Опять загон не закрыли! Куры все разбежались!»

Пронзительный женский крик сливался с шумом во дворе — кудахтаньем, хлопаньем крыльев, собачьим лаем. Большой чёрный пёс, следовавший за ними, спрятался за Хэ Чжэньшу. Тот моргнул, бросив нерешительный взгляд на Пэй Чанлина. Взгляд Пэя тоже был немного нерешительным. Прежде чем они успели что-то сказать, ворота широко распахнулись и на пороге появился высокий, худощавый мужчина в простой крестьянской одежде. Лицо у него было приятное, в руках он держал деревянный таз, полный грязной, ещё не стирной одежды.

«Ой-ёй!» - воскликнул он, споткнувшись о порог, а потом заметил стоящих у ворот людей.

«А, вы уже вернулись! Вы...»

Со двора вдруг вылетела соломенная сандалия и с глухим шлепком попала мужчине прямо в затылок.

Хэ Чжэньшу быстро оттащил Пэй Чанлина в сторону, чтобы не попасть под горячую руку человека во дворе.

Следом из ворот вылетела вторая сандалия. Мужчина на этот раз успел увернуться и, пятась, выкрикнул в сторону двора:

«Жена, я... я к ручью постирать бельё! Не злись!»

И, не дожидаясь ответа, быстро убежал.

Хэ Чжэньшу только молча выдохнул.

«Каждый раз одно и то же! - из-за ворот бежала разгневанная женщина, продолжая ругаться, - сто раз тебе говорила, бездельник ты этакий, ещё раз увижу, как...»

Но, заметив у ворот Пэй Чанлина и Хэ Чжэньшу, она резко замолчала.

Пэй Чанлин наклонился, поднял сандалию, упавшую у его ног, и протянул женщине:

«Сестра, успокойся».

Плотник Пэй имел сына и дочь. Перед ним стояла его единственная дочь — Пэй Ланьчжи, родная сестра Пэй Чанлина.

Пэй Ланьчжи была старше брата на три года, ей только исполнилось двадцать. Черты лица — тонкие, изящные, но вовсе не мягкие: уголки глаз слегка приподняты, а когда она злилась, изогнутые брови сдвигались, придавая её лицу грозный, решительный вид.

С самого детства здоровье у Пэй Чанлина было слабым, а отец, плотник Пэй, всё время ездил по соседним деревням на заработки. Поэтому все домашние дела, от мелких хлопот до тяжёлой работы в поле, легли на плечи его старшей сестры.

Когда они были детьми, Пэй Чанлина часто дразнили и обижали из-за его болезни. Каждый раз за него вступалась Пэй Ланьчжи, и со временем в её характере выросла та самая отчаянная прямота и боевой дух. Все в деревне Сяхэ знали, насколько она сильна, и никто не смел её провоцировать. Только рядом с Пэй Чанлином её крутой нрав немного смягчался.

Услышав брата, Пэй Ланьчжи сразу успокоилась, взяла из его руки сандалию и, буркнув себе под нос, сказала:

«Ещё немного и я сама его выгоню к чёртовой матери».

Тот мужчина, получивший сандалию по голове, и был её мужем.

В деревне девушек обычно выдавали замуж в пятнадцать - шестнадцать лет. Пэй Ланьчжи, красивая и работающая, в своё время имела множество женихов.

Но характер у неё был гордый, и терпеть тех, кто ещё до свадьбы требовал, чтобы она прислуживала мужу и свекрови, она не могла. К тому же на ней лежала забота о доме и уход за больным братом, так что предложениям руки и сердца она сразу отказывала.

Так, в хлопотах и спорах, ей уже исполнилось восемнадцать и сплетни в деревне становились всё громче.

Пэй Ланьчжи, со своим вспыльчивым характером, не могла терпеть сплетни. Стоило услышать дурное слово, как сразу вступала в ссору, а потом, не выдержав, она наконец заявила, что никогда в жизни не выйдет замуж и найдёт себе зятя, который будет о них заботиться. Её слова были не просто гневными. Семья Пэй была небольшой, и Пэй Чанлин не мог работать. Если бы она вышла замуж, содержание всей семьи легло бы на плечи её отца.

Так что мысли о «мужчине, принятом в дом» были не шуткой, а разумным расчётом: едока станет на одного больше, зато рук для работы — вдвое.

Пэй Ланьчжи не брала у отца ни копейки. На деньги, накопленные за годы шитья сумок, продажи трав и изготовления соломенных сандалий, она нашла зятя из соседней деревни.

«Что это у тебя лицо такое бледное?» - голос Пэй Ланьчжи вернул Хэ Чжэньшу к реальности.

«Не стой, иди, ложись скорее! - она не дала ему и рта открыть, тут же добавила ворчливо: - опять тебе дышать трудно, да? Он ведь только недавно смог встать с постели, а ты зачем потащил его так далеко?»

Хэ Чжэньшу промолчал.

День выдался ясный, и Хэ Чжэньшу всего-то хотел вывести Пэй Чанлина немного пройтись по округе, подышать воздухом, погреться на солнце. Перед тем как отлучиться, он ясно сказал ему что бы тот посидел у дороги, отдохнул, а он тем временем выгуляет Дахэя.

Кто ж знал, что тот пойдёт за ним, да ещё и выйдет за пределы деревни.

Неужели... боялся, что его кто-то обидит?

Эта мысль промелькнула у Хэ Чжэньшу в голове, но в тот же миг Пэй Чанлин покачал головой:

«Я недалеко ходил».

«Недалеко? — Пэй Ланьчжи смерила его строгим взглядом, затем перевела глаза на Хэ Чжэньшу и холодно фыркнула:

«Ну-ну, прикрывай его дальше».

Сказав это, она повернулась и ушла во двор.

Хэ Чжэньшу, придерживая Пэй Чанлина, последовал за ней.

Курятник всё ещё стоял распахнутым, и с десяток кур весело носились по двору. Дахэй бегал по двору, загоняя их обратно одну за другой.

Пэй Ланьчжи уселась под навесом и вновь принялась плести соломенные сандалии, не поднимая головы, сказала:

«Отвар уже на плите. Пойди, присмотри за огнём. Отец поехал по соседним деревням, сегодня не вернётся, так что на обед можно приготовить пару простых блюд».

Сказано это было, конечно же, Хэ Чжэньшу.

Больной брат был совершенно беспомощным, кашлял кровью при каждом шаге, и никто дома не просил его ни чем помочь.

Хэ Чжэньшу сказал:

«Хорошо» - и поддерживая Пэй Чанлина, повёл его дальше во двор.

Пройдя мимо дома, он увидел небольшой внутренний дворик, где жил Пэй Чанлин.

Когда семья строила новый дом, они специально сделали для него отдельное жильё, в котором было тихо, спокойно.

Тихо... но немного одиноко.

Хэ Чжэньшу ввёл Пэй Чанлина в комнату.

Комнатка оказалась небольшой, все было аккуратно расставлено, чисто. В воздухе стоял аромат свежего дерева и лекарственных трав. Грубая холщовая занавеска разделяла внутреннюю и внешнюю комнаты, позволяя заглянуть внутрь и наружу.

Хэ Чжэньшу уже хотел усадить его обратно на кровать, но Пэй Чанлин мягко убрал его руку и, не сказав ни слова, ушёл за занавеску в дальнюю комнату.

Хэ Чжэньшу лишь беззвучно выдохнул.

Что ж... Этот человек, кроме отца и сестры, со всеми был холоден, как лёд. Если бы он принимал это близко к сердцу, то ещё в прошлых жизнях бы лопнул от злости. Он не стал ничего говорить — просто развернулся и вышел во двор.

Кухня была на другой стороне главного дома. Стоило войти — и густой запах отваров и лекарственных трав сразу бил в нос.

Хэ Чжэньшу придвинул низкий табурет и сел у печи, периодически раздувая огонь.

Отвар, что теперь принимал Пэй Чанлин, был прописан деревенским лекарем из городской больницы. Оно было не очень эффективным и могло лишь отсрочить смерть. Судя по опыту прошлых жизней Хэ Чжэньшу, это лекарство продлит ему жизнь не больше, чем на три месяца.

Хотя... выход всё-таки есть.

Мысли его скользили вглубь, выстраивая план, и вдруг он почувствовал на себе чей-то взгляд. Слегка повернув голову, он заметил через распахнутую кухонную дверь, во дворе, под навесом, сидела Пэй Ланьчжи, склонившись над соломенной заготовкой. Стоило ей увидеть, что он посмотрел в ответ, как она невозмутимо отвела глаза, будто ничего не было. Хэ Чжэньшу опустил взгляд, не придавая этому значения.

Для семьи Пэй сейчас это всего лишь третий день после свадьбы. Они насторожены, и это естественно.

Хэ Чжэньшу был шуаньер — человеком, что внешне выглядит как мужчина, но способный родить детей.

Такое положение было низким: в обычных семьях, если рождался шуаньер, то его с детства учили прясть, вышивать, убирать, как угождать мужу — лишь бы потом выдать замуж в приличную семью.

Но Хэ Чжэньшу всему этому никогда не учился. Его отец с детства учил его иному — чтению, письму, стихам и литературе.

В те годы, благодаря связям отца, крупнейшего книготорговца в городе, Хэ Чжэньшу часто бывал на литературных собраниях и поэтических вечерах. Даже наставники из городской школы не раз говорили, что если бы нынешние законы позволяли женщинам и шуаньерам поступать на государственную службу, то с его талантом он бы ни в чём не уступил самому шестикратному лауреату, новоиспечённому Чжуан Юань.

Жаль, но сколько бы он ни читал и ни учился, руки, привыкшие держать кисть и бумагу,

оказались беспомощны перед буднями деревенской жизни. Ни овощи помыть, ни еду приготовить, ни землю взрыхлить, ни кур покормить. Одно время Пэй Ланьчжи от него просто хваталась за голову.

Хорошо хоть, несмотря на раздражение, терпеливо его всему обучала. И теперь, прожив столько жизней подряд, Хэ Чжэньшу уже освоил почти всё крестьянское ремесло, кроме, пожалуй, готовки, которой так и не смог научиться.

Примерно через полчаса отвар был готов. Хэ Чжэньшу осторожно взял чашу и вернулся в комнату.

Пэй Чанлин уже спал. В доме стояла глубокая, тягучая тишина. Хэ Чжэньшу тихо подошёл к кровати и поставил чашу на табурет у изголовья кровати.

Любой другой, доведённый до такой исхудавшей немощи, выглядел бы пугающе, но у Пэй Чанлина даже болезнь не смогла отнять врождённую красоту.

Был уже почти полдень. Солнечный свет, рассечённый оконной решёткой, ложился полосами на его бледное лицо, оттеняя его мягкими тенями, словно окутывал тончайшим слоем тёплого шёлка.

Хэ Чжэньшу, облокотившись на кровать, смотрел на длинные, густые ресницы, отбрасывающие лёгкую тень на щёки, и невольно задумался:

«Если бы не эта болезнь... Этот человек, наверное, мог бы быть по-настоящему очарователен. Ведь никто не может не любить красивых людей.

Жаль только...»

В тот самый миг Пэй Чанлин вдруг тихо застонал, скорчился, поворачиваясь набок. Его ладонь с силой прижалась к груди, дыхание стало хриплым и сбивчивым, а брови болезненно сжались. Пэй Чанлин страдал от слабого сердца, его часто мучили боли и приступы сердцебиения.

Хэ Чжэньшу видел подобное уже не раз. Он поспешно подхватил его, просунув руку подмышкой, и прижал к себе так, чтобы не сдавить грудь.

«Не бойся. Дыши глубже» — произнёс он взволнованно.

Его ладонь настойчиво, раз за разом, скользила по спине Пэя, словно стараясь вернуть дыхание в застывшее тело. Щекой он коснулся его плеча, крепко прижимая к себе дрожащее тело, и почувствовал, как за короткое время тот весь покрылся холодным потом.

Неизвестно, сколько прошло минут, прежде чем тело в его объятиях постепенно расслабилось.

Хэ Чжэньшу осторожно отпустил его.

Пэй Чанлин уже пришёл в себя. Взгляд его был немного растерянным:

«Почему ты... откуда знаешь...»

Этот способ когда-то показал старый деревенский лекарь, ныне покойный. В семье Пэев о нём знали все. Что до Хэ Чжэньшу... в прошлых жизнях он видел, как это делают Пэйи, и запомнил.

Понимая, что Пэй Чанлин хочет спросить, Хэ Чжэньшу поспешно сменил тему:

«Сначала выпей лекарство».

Он поднял чашу с лекарством и протянул её Пэй Чанлину. Тот на миг замялся, но больше не стал спрашивать, взял чашу и залпом выпил всё до дна.

Лицо его сразу сморщилось от горечи, брови сжались, он дважды кашлянул, захлебнувшись вкусом трав.

Хэ Чжэньшу не удержался и расхохотался.

Никто со стороны и не догадывался, что Пэй Чанлин на самом деле не переносит горького. Говорили, в детстве он даже немного плакал, когда приходилось пить лекарства.

Смех Хэ Чжэньшу вырвался сам собой, без всякого стеснения. Пэй Чанлин поднял голову и посмотрел на него.

«Кхм... я не над тобой смеюсь» - спохватился Хэ Чжэньшу, кашлянув. Он сунул руку в складки одежды и достал заранее приготовленную небольшую конфету. Прежде чем Пэй успел что-то сказать, Хэ Чжэньшу вложил её ему в рот.

Пэй Чанлин был удивлен и замер.

«Это конфета со свадьбы, - сказал Хэ Чжэньшу с лёгкой улыбкой, - осталась с недавнего праздника, я спрятал её. Ну как, вкусно?»

Пэй Чанлин всё ещё выглядел измождённым, лицо было бледным, будто вся кровь отхлынула. Он опустил взгляд, ничего не ответил. Хэ Чжэньшу не стал настаивать, лишь похлопал его по плечу:

«Полежи. Я схожу, нагреею воды, вытру тебе пот».

С этими словами он взял пустую чашу и вышел.

Дверь открылась и снова закрылась, оставив в комнате Пэй Чанлина одного.

Сладкий привкус понемногу перебил горечь во рту. Пэй Чанлин поднял руку и коснулся губ, тех самых, которых на миг коснулась ладонь Хэ Чжэньшу, когда он давал конфету. Его взгляд потускнел, ушёл в себя. О чём он думал — неизвестно.

Спустя некоторое время он подтянул одеяло и повернулся лицом к стене.

В тишине раздался тихий, почти неуловимый вздох.

<http://bllate.org/book/14476/1280764>